

История философии

04 Эпистемология Платона

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня днем мы обратимся к Платону, и в течение следующих нескольких недель, рассматривая его труды, я хочу придерживаться следующего общего формата. Мы начнем с его эпистемологии, затем рассмотрим его знаменитую теорию форм, которая, конечно же, в точности противоречит номинализму, затем посмотрим, как все это влияет на его понимание Бога и космоса, затем на его понимание человеческой души и, наконец, на понятие благой жизни. Этика, социальная философия и т.д.

Теперь, чтобы перейти к Платону, давайте вернёмся к досократикам и софистам, где мы сделали акцент на двух направлениях мысли, которые там развились. Одно из них связано с донаучной космологией, упорядоченностью природы в целом, которая для софистов в их скептицизме поднимала вопросы о возможности познания чего-либо о реальности того, что управляет природой вообще. И этот эпистемологический вопрос возникает именно благодаря усилиям донаучной космологии.

Другая линия рассуждений, на которой мы делали акцент, касалась понятия морального порядка. Город-государство и его надлежащее упорядочение правосудия, а также моральное упорядочение жизни отдельного человека. Это также поднимает эпистемологические вопросы, вопросы о моральном знании.

Можем ли мы действительно познать объективную истину в этических вопросах? Или мы снова оказались втянуты в конкуренцию между утверждениями о знании и простым мнением? Существуют ли универсальные моральные идеалы, или мы застряли в некой релятивистской ситуации, в которой каждый человек является мерой всего сущего? Протагор, помните? Итак, независимо от того, придерживаемся ли мы научного космологического подхода или подхода, основанного на моральном порядке, одни и те же вопросы о знании против скептицизма возникают у софистов и, конечно же, в попытке Сократа противостоять мышлению софистов. Платон наследует эту дискуссию от Сократа, так что, независимо от того, говорит ли Платон о добродетелях, или о своей главной заботе об улучшении души, или он говорит об упорядочении города-государства в своих политических трудах, или он делает некоторые вещи, как он делает в нескольких местах, касающихся космологии, порядка природы.

Во всех этих областях возникает один и тот же вопрос: как мы можем знать наверняка? Как нам выйти за рамки относительно различающихся мнений? И мы видим, что направление, начатое Сократом, — альтернативы риторики и

диалектики — находят свое отражение в мышлении Платона. На этой неделе вы читаете диалоги Платона «Минон», а также другие диалоги.

И этот конкретный диалог, диалог «Минон», затрагивает самую суть проблемы и помогает увидеть её связь с этическими вопросами. Главный вопрос, на котором фокусируется диалог «Минон», — это вопрос, который люди задают до сих пор, я думаю, каждый родитель задаёт его, и я надеюсь, что большинство педагогов тоже: можно ли научить добродетели? Можно ли научить добродетели? Мы до сих пор говорим о развитии характера, нравственном воспитании и нравственном развитии. По сути, именно этот вопрос обсуждается в диалоге «Минон»: можно ли научить добродетели.

Разумеется, становится очевидным, что для обучения чему-либо, предположительно, необходимы определенные знания в предмете обучения. Так, задавая вопрос: «Можно ли научить добродетели?», Платон заставляет Сократа, главного героя, задать промежуточный вопрос: «Что такое знание? И в свете этого, можно ли научить добродетели?» И вы обнаружите, что диалог заканчивается нотой двусмысленности. Потому что, хотя, конечно, софисты со своей риторикой не могут научить чему-либо, имея лишь свои собственные относительные мнения, риторика в руках этих довольно недобродетельных софистов не учит добродетели.

Но люди, которые должны знать, что такое добродетель — выдающиеся, морально безупречные гражданские лидеры и родители, — похоже, не очень эффективно обучали этому. Посмотрите на их детей, на сыновей, которые растут в их семьях. Так можно ли научить добродетели? Конечно, помимо простого знания о том, что такое добродетель, в нравственном воспитании участвуют и другие факторы.

Даже то, что представляет собой та или иная добродетель, например, классические греческие добродетели: умеренность, мужество, мудрость и справедливость. Моральное развитие — это нечто большее, чем просто знание сущности любой из этих добродетелей. И в диалоге «Минон» Платон не углубляется в эти «более глубокие» аспекты.

Он немного занимается этим в контексте «Республики» и других мест. Но вопрос задан, и нас сразу же затягивает в эпистемологию. Однако я хочу расширить картину, выйдя за рамки трудов Минона.

И кратко прокомментируем ряд вопросов, которые Платон поднимает как в диалоге «Минон», так и в других диалогах по эпистемологии. Вы найдете их как в диалоге «Минон», так и в отрывке из «Симпозиума» и в отрывке из «Федона». Это три темы, которые вас интересуют на этой неделе.

Во всех трёх случаях прослеживается различие между знанием и простым мнением. Мнение основано на опыте. Опыт же, по сути, является вопросом чувственного восприятия.

Чувственное восприятие отдельных вещей в мире, в котором мы живем. И чувственное восприятие, как указывает Платон, было, как правило, относительным. Относительным к состоянию органов чувств.

Относительно состояния и положения рассматриваемого объекта. И, конечно же, отдельные объекты постоянно меняются в некоторых аспектах. Поэтому состояние объекта имеет очень важное значение.

Иными словами, чувственное восприятие не даёт нам неизменного знания неизменных истин. Оно, как правило, порождает переменчивое относительное осознание изменяющихся деталей. Понимаете?

И, следовательно, накопленные нами на основе опыта мнения просто ненадежны. Теперь перейдем к другому его диалогу, «Тайтету» (а все эти диалоги названы в честь персонажей, которые в нем появляются, или, по крайней мере, большинства из них). В «Тайтете» он обсуждает различные возможности.

Если знание — это не чувственное восприятие, можно ли сделать простое уточнение и сказать, что знание — это истина, которую мы приобретаем, истинные мнения, не ошибочные, а именно истинные мнения, основанные на чувственном восприятии? Возможно ли это? И в дискуссии утверждается, что нет, даже это не совсем адекватно и неизменно. Это слишком подвержено изменениям.

Как можно знать, что истинно, если это основано только на чувственном восприятии? Может быть, тогда знание — это истинное мнение, основанное на чувственном опыте, истинное мнение плюс объяснение того, почему оно истинно? Но это, конечно, порождает множество вопросов. Какое объяснение можно дать, кроме как на основе чувственного восприятия? Это, казалось бы, замкнутый круг. Таким образом, возникает вопрос: если всё, на что мы можем опираться, — это опыт, а он даёт лишь мнение, нам трудно это точно определить.

Или, используя метафору Платона, «привязывание». И он использует эту метафору в диалоге «Минон». Мнение, истинное мнение, может быть уместно в практических целях, например, чтобы избежать колесниц при переходе улицы.

Возможно, для решения повседневных задач в мире мелочей это и подойдёт. Но для этого ему действительно нужна привязь. Вот и всё, как лошади.

Оно убежит, если его не прикрепить. Его нужно привязать. А чтобы привязать мнение, нужна диалектика.

Диалектика. Так что, какие бы риторические уловки вы ни использовали, чтобы выразить своё мнение, оно всё равно не будет окончательно сформировано, зафиксировано, привязано — какую бы метафору вы ни использовали — если не будет выражено диалектикой. Что ж, это просто ставит вопрос: что такое диалектика? Вы спрашиваете, что такое диалектика? И к этому можно подойти по-разному.

Диалектика — это, собственно, осмысление чего-либо до вывода, который будет верен для всех времен и мест. Другими словами, мышление за пределами относительности. В рамках конкретного времени или состояния объекта.

Мыслить за пределами относительности различных органов чувств с разной степенью остроты в разное время. Мыслить за пределами относительности чувственного восприятия к чему-то, к некоей неизменной истине. И, говоря о диалектике, он часто связывает её также с тем, что он называет воспоминанием.

Воспоминания. Потому что способ, которым диалектика раскрывает истину, очень похож на то, как вы вспоминаете что-то забытое. Вы знаете, как это происходит.

Вы просто не помните встречи с тем или иным человеком. Но затем, когда я описываю этого человека, рассказываю о некоторых его манерах и, возможно, начинаю описывать случай вашей встречи, о, как говорится, всё начинает возвращаться. И хотя поначалу это не очевидно, вы говорите: «О да, теперь я начинаю вспоминать, возвращаться в память».

Диалектика оказывает подобный эффект, за исключением того, что речь идёт не о воспоминании конкретных событий. В результате диалектики происходит фактическое воспроизведение информации. Диалектика позволяет вам вспомнить неизменные истины, которые вы знали в предыдущем существовании.

Да, видите ли, мы к этому вернемся позже, но Платон верил в предсуществование души. Предсуществование души. Так что вы приходите в эту жизнь с определенным врожденным знанием.

Врожденный в буквальном смысле, врожденный. Вы рождаетесь с определенными скрытыми идеями в уме. Скрытыми в том смысле, что вы их не осознаете.

До тех пор, пока диалектика не позволит вам их вспомнить. Таким образом, диалектика облегчает воспоминание о врожденных знаниях души из ее предыдущего существования. Возможно, вам знакома знаменитая аналогия Платона с пещерой.

Штумпф об этом говорит. Но Платон, и это в его «Республике», которая не названа в честь какого-либо персонажа, говорит об идеальном городе-государстве. Но в «Республике» он уподобляет душу в этой жизни узнику в пещере.

Понятно? Заключенный связан так, что может смотреть только на заднюю стену пещеры. И сквозь нее проникает солнечный свет. У входа в пещеру горит огонь, отбрасывая мерцающий свет.

Так на стене перед заключенным появляются тени. Постоянно меняющиеся, никогда ненадежные. Их невозможно по-настоящему зафиксировать, прибить, привязать.

Понятно? Тем временем ваши похитители, хмурясь, с большими палками в руках, ходят взад и вперед, отбрасывая все больше теней на стену впереди. Душа — пленница в теле. Родившись в этой жизни, вы заключены в тюрьму самим фактом своего рождения.

В результате вы не можете увидеть, как обстоят дела в реальном мире, как вы говорите. Всё, что вы видите, — это мерцающие тени, далёкие от реальности. Мир изменчивых, относительных и ненадёжных явлений.

У тебя амнезия. Наверное, это был тот самый удар по голове. У тебя амнезия.

Вы ничего не помните. Если, конечно, кто-то не начнет диалектически задавать правильные вопросы, чтобы вызвать хоть какое-то осознание. И тогда начнется процесс воспоминания.

Таким образом, становится возможным освободить человека от этих цепей и, по крайней мере, обернуться и познакомиться с бывшими порабощателями, стоящими за этими цепями, и с реальностью этой пещеры, с тем, что она собой представляет. Но это всё ещё очень туманно, понимаете. Только когда мы сможем выйти за пределы пещеры и увидеть всё своими глазами, мы поймём, как всё обстоит на самом деле.

Таким образом, Платон изображает схему, в которой существуют два мира бытия. Два мира бытия. Мир физических частных.

Царство универсальных истин. Реальность. Универсальные истины.

Вот что нам нужно знать. Это всего лишь сфера мнений. И так или иначе, даже находясь в этой жизни, мы должны участвовать в диалектике, которая позволяет нам мыслить на высшем уровне, а не ограничиваться лишь частными фактами на низшем уровне.

Для этого необходима диалектика. Застряв в пещере, всё, что ты можешь делать, — это прибегать к риторике, чтобы сохранить лицо. Так, в диалоге Минона Платон говорит о познании посредством воспоминания неизменной универсальной сущности чего-либо.

Как сама суть добродетели. Любое воспоминание может быть вызвано рассмотрением частных случаев, частных примеров, но диалектика — это не эмпирическое обобщение на множество частных случаев. Эмпирическое обобщение не приводит к сути вещи, а лишь к сходствам, некоторые из которых могут быть весьма случайными и ненужными.

Таким образом, необходимо выйти за рамки чувственного восприятия и эмпирического обобщения и перейти к абстрактному мышлению, абстрагируясь от всех этих частных случаев, о сущности вещей. Диалектика, как правило, начинается с гипотезы о сущности чего-либо. В «Республике», как я уже упоминал.

Вопрос в том, что такое справедливость? Поэтому обсуждение начинается с гипотез о том, что такое справедливость, которые выдвигаются Трасимахом и другими мыслителями. И именно посредством анализа этих гипотез о сущности справедливости диалектика в конечном итоге приближается к истине о справедливости. В «Федоне» вы найдете, что Платон использует понятие равенства в качестве примера.

Как определить, что две палочки, или два куска мела, или, если уж на то пошло, две палочки так называемых сухих чернил, или как их еще называют, жидкого мела, равны по длине? Ну, в любом случае, что вы скажете, просто взглянув на них? Нет. Вы не можете сказать, что они равны по длине, если у вас нет понятия равенства, чтобы понимать, что вы имеете в виду, когда говорите, что они равны по длине.

Иными словами, суждение типа «эти две палочки равны по длине» предполагает неэмпирическое понятие равенства, которое можно вывести, говоря о том, что две палочки равны по длине, но само по себе не является эмпирическим свойством. Никакие две физические вещи никогда не бывают одинаковыми. В конце концов, они совершенно одинаковые. Так что, в данном случае, пример — это вещи одинаковой длины, верно?

Именно поэтому мы и взяли этот отрывок из «Республики» Платона. А теперь позвольте упомянуть ещё один. В «Пире» он различает красоту, сущность красоты, идеальную красоту (с большой буквы) и особые прекрасные вещи.

Особенно прекрасные вещи — это объекты чувственного восприятия. Красота, идеал с большой буквы, постигается, как он выражается, взором разума. Вы видите своим разумом.

Понимаете, о чём я? Знаете, как мы часто это говорим? Вы следите за математическим доказательством, и вывод становится ясным, и вы говорите: «О, я вижу, что мне следовало сделать». Да, мы видим абстрактно, не в контексте чувственных деталей, а в контексте какой-то абстрактной линии мысли. Понимаете? Мы повторяем это снова и снова.

Ну, посмотрите на этот отрывок из «Республики». У всех есть экземпляр? Хорошо, это из седьмой книги «Республики», в контексте, где появляется аналогия с пещерой. Представьте себе, сказал я, что существуют эти две сущности.

Одна из них господствует над постижимым порядком, а другая — над миром глазного яблока. Хорошо, над чувственным миром. Итак, это чувственный мир, мир глазного яблока и других чувств, а это — постижимый мир.

Итак, постижимый и чувственный мир. Видимое и постижимое. Теперь представим их, так сказать, линией, разделённой на две неравные части.

Два неравных участка, понятно? Сделайте этот немного длиннее. И разрежьте каждый участок снова в том же соотношении, понятно? И у вас получится линия, разделённая на четыре части, знаменитая разделённая линия Платона. Хорошо.

Разделение видимого и разделение умопостижимого, а затем, как выражение соотношения их сравнительной ясности и неясности, вы получите один раздел видимого мира, верно, один раздел, изображения. Изображения. То есть тени, отражения в воде или на поверхностях, вещи подобного рода.

Образы, тени, иллюзии, галлюцинации. Воображение, если хотите, когда вы фантазируете о чём-то, представляя себе то, чего физически не существует. Хорошо.

Во втором разделе предполагается, что это изображение или подобие того, что здесь изображено, то есть животные, растения и весь класс созданных человеком объектов. Итак, здесь у нас физические характеристики. Хорошо, физические характеристики.

Хорошо. А затем то, что вы делаете в высшей области, — это нечто подобное. Вы проводите различие, как он выражается, так что есть один раздел, который душа вынуждена исследовать, рассматривая как образы вещи, имитируемые в предыдущем разделе, и посредством предположений, образов и допущений, из которых она делает вывод.

И ещё один раздел, в котором он переходит от исходного предположения к начальному принципу. Хорошо, вот, если хотите, основные принципы. Ладно.

Здесь мы видим рассуждения и выводы. И, продолжая, он указывает, что именно в этой области рассуждений и выводов и находится место математики, которая, конечно же, постоянно делает выводы, рассуждает, чтобы в результате получались математические объекты, такие как математические отношения, например, сложение и так далее. Но, как мы знаем из евклидовой геометрии, все математические системы и выводы зависят от первопричин.

Основные принципы, которые предполагаются при выводе. Хорошо. Теперь нам нужно различить различные виды осознания соответственно.

Хорошо. Если вы примете эти изображения за реальные, это то, что мы называем иллюзией. А вот то, что касается физических деталей, мы называем чувственным восприятием.

Это два вида мнения. Докса — греческое слово. Мнение — кажущееся.

Внешность, греческое слово *досео*. А здесь, конечно же, дедуктивное рассуждение. Дедукция, такой вид мышления.

А здесь знание первопричин осуществляется посредством диалектики. Знание первопричин посредством диалектики. Хорошо, вот что он вводит.

Теперь, в середине второй страницы этого раздаточного материала, он переходит к разговору о диалектике. Понимая, что под «другой частью постижимого» я подразумеваю то, что постигает разум, — силу диалектики. Итак, что же такое диалектика? Она рассматривает свои предположения не как абсолютные начала, а как гипотезы, основы, фундаменты, трамплин, позволяющие ей подняться к тому, что не требует никаких предположений и является отправной точкой всего.

И, достигнув этого, он снова берет на себя ответственность за первоначальные зависимости и таким образом продвигается вниз к заключению. Это диалектика. И он продолжает.

Это непростая задача, которую вы перед собой ставите. Я понимаю, что вы отличаете реальность и постижимое, рассматриваемое диалектикой, как нечто более истинное и точное, чем объект искусств и наук, чьи предположения произвольны. Хорошо.

Те, кто размышляет над ними, вынуждены использовать понимание, а не чувства. Они возвращаются к истокам, к основам исследования. И затем, в верхней части 747, ваша интерпретация оказывается достаточной, чтобы, ответив на эти четыре раздела, вы имели интеллектуальное обоснование для высшего раздела, понимание или обдумывание вещей для второго, веру или перцептивную веру для третьего, образное мышление, предположение или иллюзию, если вы принимаете это за реальность, для четвертого.

. А затем добавлены два других абзаца, взятые чуть позже из текста. Разве диалектика не является единственным процессом исследования, который отбрасывает гипотезы и переходит к самому первому принципу? Верно, что когда взор души погружается в варварскую трясиину ортогональных мифов, диалектика мягко вытаскивает его, поднимает наверх, используя в качестве помощников, партнеров, перечисленные нами исследования и науки и так далее.

А затем, в том, что остается, мы называем диалектиком человека, способного точно определить сущность каждой вещи. Не скажете ли вы, что тот, кто не способен это сделать, но способен дать объяснение себе и другим, не обладает полным разумом и пониманием этого вопроса? Но человек, способный на это, и так далее, — это другое дело. Обратите внимание на описание, которое он дает в последнем абзаце.

Как в битве, проходя через все испытания, стремясь исследовать всё с точки зрения сущностной реальности, а не мнения, он неуклонно продвигается вперед, не спотыкаясь в своих рассуждениях. Человек, лишённый этой способности, на самом деле не знает ни добра, ни какого-либо конкретного добра. Таким образом, диалектика — это анализ аргументов и идей, поиск непротиворечивости, поиск чего-то, что не вызывает никаких вопросов, что не имеет предварительных предположений, неустанно его изучающее, сталкивающееся с каждым возражением, каждым другим оппонентом, каждым контраргументом.

Понимаете? И если оно выдержит это испытание тщательной, честной, неустанной диалектикой, то вы можете быть совершенно уверены, что постигли истину. Видите? Вот такое Платон описывает диалектику. И вместе со всем остальным, что мы изучали, это показывает нам, что он думает о знании.

Вы поняли? Что вы об этом думаете? Отзывы? Вопросы? Да, Дэвид. Да, мы рассмотрим это подробнее позже. Кажется, он считает, что только после смерти мы получаем полное представление о солнце, которое в этой аналогии является высшей реальностью, источником бытия, источником света.

Да. Так что полное понимание приходит позже. И, кстати, это становится основой для развития некоторых мистических традиций, когда платонизм был перенят иудео-христианской традицией, и солнце стало уподобляться Богу.

Итак, видение Бога, мистическое видение, понимаете? Возможно ли это в этой жизни? В ограниченной степени? Ожидается ли это в загробной жизни? В полной мере, да. Да, Карл.

Да, я думаю, он бы сказал, что мы живем в мире образов, иллюзий, мелочей. Мы просто не возвращаемся к первоосновам. Наше общество держится не на знании какого-то высшего, вечного, неизменного блага, а на каком-то общественном договоре, понимаете.

Да. Да, я думаю, он бы так и говорил. Это не была бы та республика, о которой говорил Платон, в которой мы живем.

Хорошо. Да, Джейсон. Нет, не Джейсон? Тим, хорошо.

Да. Верно. Да, он это делает.

И мы рассмотрим это, когда перейдем к обсуждению человеческой души. Фаду, которое вы сейчас читаете, является частью полного фаду, которое приводит целый ряд аргументов как в пользу предсуществования, так и в пользу бессмертия души. Возможно, вы знаете, что в ранней церкви существовали три точки зрения, которые обсуждались относительно происхождения индивидуальной души.

Либо платоновское представление о его существовании до него, либо представление о его каким-то образом воспроизведении посредством физического размножения, либо представление о том, что это особое творение Бога на каком-то этапе внутриутробного развития. Любопытно, что первое было характерно для Платона и платоновского влияния. Второе же было характерно для большинства стоиков.

А третий, по-видимому, был представлен отдельно. Таким образом, история теологии в этом смысле во многом обязана греческой традиции. В значительной степени.

Но мы вернемся к этому, когда перейдем к человеческой душе. Да, Тим. Что такое воспоминание? Да.

Хорошо. Диалектическое воспроизведение врожденных идей. Да, диалектика — это средство, используемый метод.

Понятно? Это облегчает вспоминание врожденных представлений об этих первопричинах. Понимаете? Итак, вспоминание — это видение мысленным взором, тогда как диалектика — это то, как мы приводим свой разум в состояние, позволяющее видеть. Понятно? Если хотите, диалектика — это фокусировка ума.

Сосредоточение внимания. Джесс. Да.

Да. Нет, если вернуться к различиям в этических вопросах, которые мы наблюдали у досократиков, то именно эти различия, по мнению Платона, здесь и представлены. То есть, если мы понимаем основные принципы морального порядка, то нам нужно будет подумать о принципе справедливости.

И он пытается определить, что такое справедливость, в результате диалектического исследования в «Республике». Но тем временем, чем интересовались некоторые греческие поэты, когда их не интересовал моральный порядок справедливости? Понимаете? К чему стремятся софисты? О чём они говорят? Что ж, взгляните ещё раз на Демокрита, используя имеющиеся у нас материалы. Демокрит говорил: да, будьте сообразительны, используйте свой ум, но для того, чтобы обеспечить удовольствие, а не боль.

Чтобы добиться успеха. Чтобы наслаждаться жизнью. Чтобы продвинуться вперед.

Вот такие ценности представлены здесь, внизу. Ценности, связанные с этим миром. И, как мне кажется, из этого сразу становится понятно, почему это так привлекало людей с религиозными взглядами.

Христианство, иудаизм, а позже и ислам. Понимаете? Как будто Платон говорил: направляйте свои чувства к небесному, а не к земному. Да.

И, обращаясь к ранним отцам церкви, мы увидим, что Платон был их главным инструментом сопротивления нехристианской критике в первые три-четыре столетия. И действительно, я думаю, в результате его интеграции в христианскую мысль, платонизм был доминирующим философским влиянием в христианстве примерно до 1200-1100 годов. Да.

И привлекательность этого сразу видна. Вы упомянули Алана Блума на прошлой неделе. Да.

Он предложил постколониализм. Да. Что ж, я думаю, что Алан Блум призывает нас вернуться к тому типу либерального образования через изучение классической литературы, которым славится Чикагский университет.

Иными словами, хотя его критика заключается в том, что современный студент университета рассуждает так, будто не существует ни истины, ни лжи, ни правильного, ни неправильного, к концу книги, когда он начинает говорить о своих рецептах для нашего общества и образования, он уже говорит о чтении всей классической литературы, начиная с древних греков и так далее. Почему? Дело не в том, что вы находите один набор неизменных ценностей. Я имею в виду, что, если вы прочтете великие книги, вы обнаружите множество разных вещей.

Попурри. Это обычный набор, который подают в столовой. Понимаете?

Думаю, он стремится к диалогу, который бы продолжился с этими великими книгами. Можно сказать, к своего рода неформальной диалектике с этими альтернативами, которая побудила бы людей задавать фундаментальные вопросы, даже если они не согласны с выводами. Они будут пытаться вернуться к первопричинам.

Ну, знаете, я вижу, что христианское гуманитарное образование очень тесно связано с этим. Гуманитарное образование вовлекает нас в диалектику, диалог с великими умами и великими идеями прошлого и настоящего, постоянно рассматривая эти идеи с точки зрения христианской веры и пытаюсь увидеть взаимосвязь. С другой стороны, я думаю, что существует такой вид образования, который гораздо больше риторический, который учит вас тонкостям профессии, чтобы вы могли преуспеть в выбранной вами сфере деятельности.

Видите ли, это скорее относится к риторическому типу. Хорошо. Еще пара моментов, чтобы завершить эту картину его эпистемологии.

И мы вернемся к этому позже. Возможно, из того, что я сказал, у вас сложилось впечатление, что Платон рассматривает стремление к знанию и диалектику как отстраненное, бесстрастное, чисто объективированное интеллектуальное упражнение. Это не так.

Это не так. Вы обнаружите, что Платон много говорит о любви к добру. И, конечно же, в интеллектуальной сфере, о любви к истине.

Вопрос в том, какие психологические механизмы заставляют человека сосредоточить внимание на фундаментальных принципах, а не на волнующих, захватывающих деталях, которые поглощают нас большую часть жизни. Понимаете? И поэтому на симпозиуме вы находите, например, весь диалог, посвященный вопросу: что такое любовь? Это интересно.

Что такое любовь? Сейчас он использует слово «эрос». Желание. В наше время слово «эрос» и его родственное слово «эротический» сузились до обозначения сексуальности.

Но у греков было иначе. Эрос был просто такой любовью, которая чего-то желает, которая стремится. И когда он говорит об эросе во благо, это означает любовь к тому, что есть благо.

Стремление познать добро . Любовь к истине. Стремление познать правду.

Видите ли, это любовь к мудрости. Любовь к красоте.

вы будете читать «Федра» . Ещё один его диалог. И вы обнаружите, что тема диалектики и риторики раскрывается во второй части «Федра».

Убедительно. Что отличает хорошую риторику от не очень хорошей? Это риторика, основанная на знаниях, полученных посредством диалектики. Понимаете?

Но как заставить людей стремиться к этому? Понимаете, стремиться к добру. Должна быть любовь к добру.

Любовь к красоте. А это, в свою очередь, поднимает вопрос о том, что можно сделать, чтобы люди полюбили? Видите ли, в каком-то смысле это замкнутый круг.

Если бы только ты мог постичь видение добра, красоты в её идеале, в принципе, постичь его своим разумом, ты бы полюбил его. Да, но как я могу постичь его, если я не люблю его? Понимаешь этот порочный круг? Чтобы видеть взором разума, нужна любовь. Но как я могу любить то, чего не вижу? Если только нет неутолимой жажды.

Желание, эрос, в этом смысле. В «Республике», как мне кажется, Платон высказывает две идеи, которые он использует в разных местах. Одна из них заключается в том, что задача города- государства состоит в том, чтобы упорядочить благое общество таким образом, чтобы поощрять подобное стремление к благу.

Таким образом, он видит задачу правительства в совершенствовании души. В любви к правде, добру, истине. Во-вторых, он задумывает систему образования, которая будет постепенно вести людей через процесс развития.

Таким образом, такие вещи, как физические упражнения и музыка, которые задействуют как физическое тело, так и органы чувств, способствуют развитию понимания рационального порядка, а не отдельных чувственных переживаний. Да. Физические упражнения. Да, я так думаю.

О, пример, который он приводит, — это военная подготовка. Ну, я не знаю, какой была военная подготовка во времена Древней Греции. Я знаю, какой она была, когда проходил её во время Второй мировой войны.

Во время строевой подготовки на плацу вся группа людей вела себя так, будто все было срежиссировано. Да. О, я помню Клиффа Шимельса, который какое-то время тренировал футбольную команду.

Однажды он показал некоторым из нас видеозапись, где игроки входят в тренировочный зал и выходят из него, и прокручивал её вперёд и назад, вперёд и назад, вперёд и назад, и это выглядело как хореографический танец. Красиво, красиво, красиво. Понимаете?

Да, в музыке, слушая её, вы пытаетесь уловить общий порядок и структуру. По крайней мере, говорит Платон, если это правильная музыка. Не дионисийская.

Видите ли, это начальные этапы образования. Развитие способности ума любить и познавать идеальный образец, порядок.

Понимаете? А затем двигайтесь дальше, пока не проработаете литературу разных жанров, тщательно отобранную, чтобы не разжигать страсти, а возвращать любовь к хорошему. Понимаете?

А ещё математика — лучшая подготовка для диалектики. Да, я до сих пор с этим согласен. Математики, поступающие на философию, обычно гораздо лучше разбираются в логике, чем другие люди.

Итак, я думаю, это тот же вопрос, что и «как заставить людей полюбить математику?». Любить порядок. Понятный порядок в любой области.

Вы получаете удовольствие от процесса. И постепенно поднимаетесь на все более высокие уровни. Думаю, это необходимо, чтобы завершить картину того, о чем он говорит в этом выступлении.